

**ГЕНРИК
ИБСЕН**

СТОЛПЫ
ОБЩЕСТВА

Генрик Ибсен
Столпы общества

«Public Domain»

1877

Ибсен Г.

Столпы общества / Г. Ибсен — «Public Domain», 1877

«Просторная зала, выходящая в сад при доме консула Берника. На авансцене налево дверь в кабинет консула. Дальше, в той же стене другая дверь. В правой стене, посередине, двустворчатые входные двери. Задняя стена залы – почти сплошь из зеркальных стекол с такой же дверью, распахнутой на широкую террасу; над террасой натянут тент. Ступени террасы ведут в сад, обнесенный железной решеткой с калиткой на улицу. Противоположная сторона улицы застроена выкрашенными в светлые цвета деревянными домиками. Лето. Жаркий солнечный день. По улице проходят люди, некоторые останавливаются, разговаривают друг с другом. На углу – бойко торгующая мелочная лавочка...»

© Ибсен Г., 1877

© Public Domain, 1877

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ибсен Генрик

Столпы общества

Пьеса в четырех действиях

Действующие лица

Консул Берник.

Бетти Берник, его жена.

Улаф, их сын, 13 лет.

Марта Берник, сестра консула.

Йухан Тённесен, младший брат Бетти Берник.

Лона Хессель, старшая, сводная сестра Бетти.

Хильмар Тённесен, двоюродный брат Бетти.

Адъюнкт Рёрлун.

Руммель, коммерсант.

Вигеланн и Санстад – купцы.

Дина Дорф, молодая девушка, живущая в доме консула Берника.

Крап, управляющий делами консула Берника.

Эунэ, мастер-судостроитель.

Фру Руммель, жена коммерсанта Руммеля.

Хильда, ее дочь.

Фру Холт, жена почтмейстера.

Нетта, ее дочь.

Фру Люнге, жена доктора.

Городское бюргерство и прочие местные жители, иностранные моряки, пассажиры с парохода и пр.

Действие происходит в доме консула Берника, в небольшой норвежском приморском городе.

Действие первое

Просторная зала, выходящая в сад при доме консула Берника. На авансцене налево дверь в кабинет консула. Дальше, в той же стене другая дверь. В правой стене, посередине, двустворчатые входные двери. Задняя стена залы – почти сплошь из зеркальных стекол с такой же дверью, распахнутой на широкую террасу; над террасой натянут тент. Ступени террасы ведут в сад, обнесённый железной решеткой с калиткой на улицу. Противоположная сторона улицы застроена выкрашенными в светлые цвета деревянными домиками. Лето. Жаркий солнечный день. По улице проходят люди, некоторые останавливаются, разговаривают друг с другом. На углу – бойко торгующая мелочная лавочка.

В зале вокруг стола сидят за шитьем дамы. В центре Бетти Берник; по левую руку ее: фру Холт с дочерью; дальше фру Руммель с дочерью. По правую руку Бетти: фру Люнге, Марта Берник и Дина Дорф. Все дамы заняты рукодельем. На столе вороха раскроенного и сметанного белья и других частей одежды. В глубине сцены за особым столиком, на котором стоят два цветочных горшка и стакан с сахарной водой, сидит Рёрлун, читая вслух книжку с золотым обрезом. До зрителей долетают, однако, лишь отдельные слова. По саду бегают с луком Улаф, целится, стреляет.

Немного спустя справа, осторожно ступая, входит мастер Эунэ. Его приход несколько отвлекает внимание дам, слушающих чтение. Бетти кивает ему, указывая на дверь в кабинет. Эунэ тихо идет туда и несколько раз тихо и с перерывами стучит. Из кабинета выходит Крап, держа шляпу в руке и кипу бумаг под мышкой.

Крап. А, это вы стучали?

Эунэ. Консул посылал за мной.

Крап. Да, но сейчас он занят и поручил мне...

Эунэ. Вам? Я бы предпочел...

Крап....поручил мне передать вам: надо прекратить эти ваши субботние лекции для рабочих.

Эунэ. Да? Я думал, однако, что волен употреблять свой досуг...

Крап. Вам не следует употреблять свой досуг, чтобы делать людей негодными в рабочее время. В прошлую субботу вы говорили, будто новые машины и способы работы на верфи идут во вред рабочим. Зачем вы это делаете?

Эунэ. Я делаю это, чтобы укрепить общество.

Крап. Удивительно! Консул говорит, что это расшатывает общество.

Эунэ. Мое общество – не общество консула, господин управляющий. Как старшина союза рабочих я...

Крап. Прежде всего вы старшина верфи консула Берника. Прежде всего вы должны выполнять свои обязательства по отношению к обществу, именуемому «Фирма Берника», потому что оно всех нас кормит. Вот что хотел сказать вам консул.

Эунэ. Консул не сказал бы мне этого так, господин управляющий, но я понимаю, кому обязан этим. Это все проклятый американец, который чинится у нас в доке. Этот народ хочет, чтобы у нас работа шла, как там, у них, а это...

Крап. Да, да, да; некогда мне пускаться в рассуждения. Теперь вы знаете взгляд консула – и кончено. Можете вернуться на верфь; вероятно, вы там нужны; я сам скоро туда спущусь. Прошу извинения у дам. *(Кланяется и уходит через сад.)*

Эунэ тихо уходит направо. Рёрлун, продолжавший читать во время предыдущего разговора, который велся вполголоса, теперь сразу же заканчивает чтение и захлопывает книжку.

Рёрлун. Итак, любезные мои слушательницы, вот и конец.

Фру Руммель. Ах, какой поучительный рассказ!

Фру Холт. И какой высоконравственный!

Бетти. Подобная книга заставляет призадуматься.

Рёрлун. О да. Она представляет благодетельный контраст с тем, что нам, к сожалению, ежедневно преподносят в газетах и журналах. Что, в сущности, кроется под этой мишурой и показной роскошью, которыми щеголяют крупные общественные центры? Пустота и гниль, если можно так выразиться. Никаких прочных нравственных устоев!.. Одним словом, эти крупные современные центры не что иное, как гробы повапленные.

Фру Холт. Да, это истинная правда.

Фру Руммель. Да вот взять хоть бы экипаж американского судна, которое теперь стоит у нас...

Рёрлун. Ну, о таком отребье человечества я и говорить не буду. Но даже в высших кругах – что там творится? Везде сомнение, брожение, душевная смута, расшатанность всех основ. А как там подорвана семейная жизнь! Какое наглое стремление подкопаться под самые святые истины!

Дина (*не поднимая глаз от работы*). Но разве там не совершаются и великие дела?

Рёрлун. Великие дела? Я не понимаю...

Фру Холт (*удивленно*). Что ты, Дина, бог с тобой!

Фру Руммель (*одновременно*). Да как же это можно, Дина?..

Рёрлун. Не думаю, чтобы это было хорошо, если бы у нас завелись подобные дела! Нет, возблагодарим господа, что у нас дело обстоит так, как оно обстоит. Конечно, и у нас, к сожалению, между пшеницей произрастают плевелы, но мы, во всяком случае, стараемся выпалывать их по мере наших сил. Надо поддерживать чистоту общества, милостивые государыни, надо оберегать общество от всего того не проверенного опытом, что желает навязать нам нетерпеливый век.

Фру Холт. А сколько, к сожалению, всего этого там можно найти!

Фру Руммель. Да вот ведь в прошлом году за малым дело стало, а то бы провели и к нам железную дорогу.

Бетти. Ну, разумеется, Карстен не допустил этого.

Рёрлун. Провидение, сударыня. Вы можете быть уверены, что муж ваш был орудием высшей воли, когда отказался поддерживать эту затею.

Бетти. А как его все же бранили газеты. Но мы совсем забыли поблагодарить вас, господин адьюнкт. В самом деле, это больше чем любезно с вашей стороны, что вы жертвуете нам так много времени.

Рёрлун. Ну что там! Теперь каникулы...

Бетти. Да, да, но все-таки это жертва с вашей стороны.

Рёрлун (*придвигает свой стул поближе*). Не стоит говорить, сударыня. А вы все разве не приносите жертву ради доброго дела? И не делаете ли это с полной готовностью и с радостью? Эти морально испорченные создания, об исправлении которых мы хлопочем, разве это не те же раненные на поле битвы солдаты? Вы, милостивые государыни, диакониссы, сестры милосердия, которые щиплют корпию для этих несчастных пострадавших, нежной рукой перевязывают их раны, ухаживают за ними, исцеляют...

Бетти. Великий дар божий – уметь все видеть в таком прекрасном свете!

Рёрлун. Многое в этом отношении является врожденным, но многого можно добиться самому. Все дело в том, чтобы смотреть на вещи с точки зрения серьезной жизненной задачи. (*Обращаясь к Марте.*) Ну что вы, например, на это скажете, сударыня? Не чувствуете ли вы под собой более твердую почву с тех пор, как посвятили себя школьному делу?

Марта. Как сказать... Часто, когда я сижу там, в школе, меня так и тянет далеко-далеко в бурное море.

Рёрлун. Это искушение, сударыня. Но перед такими беспокойными гостями надо крепко-накрепко запирайте двери. Бурное море – это вы, конечно, говорите не буквально; вы разумеете под этим большое волнующееся человеческое общество, где столь многие гибнут. И неужели вы в самом деле так высоко цените ту жизнь, шум и гул которой до вас долетают извне? Стоит только взглянуть туда, на улицу, где люди в поте лица снуют на солнцепеке по своим делишкам. Нет, право, нам лучше сидится тут, в прохладе, спиной туда, откуда идет соблазн!..

Марта. Да, да, вы, наверно, совершенно правы. Рёрлун. И в доме, как этом, у столь прекрасного и чистого семейного очага, где семейная жизнь нашла лучшее свое выражение... где царствует мир и согласие... *(Обращаясь к хозяйке.)* Что это вы прислушиваетесь, сударыня?

Бетти *(обернувшись к двери в кабинет).* Как они там громко разговаривают.

Рёрлун. Разве случилось что-нибудь особенное?

Бетти. Не знаю, я слышу только, у мужа кто-то есть...

Хильмар Тённесен с сигарой в зубах входит справа, но останавливается при виде собрания дам.

Хильмар. Ах, извините, пожалуйста. *(Хочет уйти.)*

Бетти. Войди, войди, Хильмар, ты нам не мешаешь. Тебе что-нибудь нужно?

Хильмар. Ничего, я так только хотел заглянуть. *(Дамам.)* Мое почтение. *(Обращаясь к Бетти.)* Ну, на чем же порешили?

Бетти. Насчет чего?

Хильмар. Да ведь Берник протрубил сбор.

Бетти. Разве? В чем же дело?

Хильмар. Опять эта чепуха с железной дорогой.

Фру Руммель. Да неужели?

Бетти. Бедный Карстен! Опять ему неприятности...

Рёрлун. Но как же это так, господин Тённесен? Ведь в прошлом году консул ясно дал понять, что он не желает никакой железной дороги.

Хильмар. Да и мне так кажется, но я встретил управляющего Крапа, и он сказал, что вопрос с железной дороге снова поднят и что Берник совещается с тремя местными тузами.

Фру Руммель. То-то мне послышался голос мужа.

Хильмар. Да, господин Руммель, конечно, здесь; потом Санстад и Миккель Вигеланн – «святоша Миккель», как его прозвали.

Рёрлун. Гм...

Хильмар. Ах, извините, господин адъюнкт.

Бетти. Так у нас хорошо, мирно было...

Хильмар. Что до меня, то я не прочь, чтобы они опять погрызлись. Все-таки развлечение.

Рёрлун. О, на мой взгляд без таких развлечений можно обойтись.

Хильмар. Кто как смотрит. Некоторые натуры прямо нуждаются иной раз в бодрящей схватке. Но жизнь в маленьком городишке, к сожалению, небогата такими случаями, да и не всякому дано... *(Перелистывает книгу адъюнкта.)* «Женщина на службе общества». Это что за чепуха?

Бетти. Господи! Нельзя же так говорить, Хильмар! Ты, конечно, не читал этой книги?

Хильмар. Нет, да и не намерен.

Бетти. Ты, верно, опять нехорошо себя чувствуешь сегодня?

Хильмар. Да, нехорошо.

Бетти. Плохо спал ночью?

Хильмар. Очень даже плохо. Я вчера вечером пошел, ради своей болезни, прогуляться; потом завернул в клуб и почитал описание одной полярной экспедиции. Как-то закаляешь свой дух, следя за борьбой человека со стихиями!

Фру Руммель. Но это вам, может быть, вредно, господин Тённесен?

Хильмар. И даже очень. Я проворочался всю ночь в полусне, бредя каким-то отвратительным моржом, который гонялся за мною.

Улаф (*поднявшись из сада на террасу*). За тобой морж гонялся, дядя?

Хильмар. Во сне, дурень!.. А ты все еще возишься с этим жалким луком? Отчего не обзаведешься настоящим ружьем?

Улаф. Я бы очень хотел, да...

Хильмар. Ружье – это я все-таки понимаю: как-то щекочет нервы, когда спускаешь курок...

Улаф. Тогда бы я медведей стрелял! Да вот папа не дает.

Бетти. Как можно вбивать ему в голову такие вещи, Хильмар!

Хильмар. Гм... ну и поколение воспитывают у нас теперь! Кричат о подвигах, – боже мой! – а до дела дойдет – одна игра. Ни капли серьезного стремления к тому, чтобы закалить себя, смело глядеть в глаза опасности! Да что ты лезешь на меня со своим луком, балбес! Того и гляди, выстрелит!

Улаф. Да ведь стрелы нет, дядя!

Хильмар. Этого ты не можешь знать; а вдруг она все-таки есть. Убери, говорят тебе!.. И чего ты никогда не прокатишься в Америку на одном из отцовских кораблей? Увидал бы там охоту на буйволов или схватку с краснокожими.

Бетти. Но, Хильмар...

Улаф. Ах, как бы я хотел, дядя! И вдруг бы встретил там дядю Йухана и тетю Лону...

Хильмар. Гм... Понес!

Бетти. Ну, ступай опять в сад, Улаф.

Улаф. А на улицу можно?

Бетти. Да, только, смотри, недалеко.

Улаф убегает через калитку на улицу.

Рёрлун. Не следовало бы набивать ребенку голову такими фантазиями, господин Тённесен...

Хильмар. Разумеется, как можно! Пусть лучше весь век просидит за печкой, как многие другие.

Рёрлун. А что ж вы сами туда не прокатитесь?

Хильмар. Я? С моей болезнью! Впрочем, кому здесь до этого дело! Кроме того, человек имеет все-таки известные обязанности перед обществом, в котором живет... Надо же здесь хоть кому-нибудь высоко держать знамя идеи. Ух, опять он раскричался!

Дамы. Кто, кто?

Хильмар. Не знаю. Все они там немножко громогласны... Это действует мне на нервы.

Фру Руммель. Должно быть, это мой муж, господин Тённесен. Он, знаете, привык говорить в больших собраниях.

Рёрлун. Да и другие, кажется, не отстают.

Хильмар. Ну еще бы, помилуйте, раз дело дойдет до кармана, то... У нас всегда на первом плане меркантильные соображения. Ух!

Бетти. Во всяком случае, это лучше, чем прежде, когда на первом плане были одни удовольствия.

Фру Люнге. Да неужели здесь прежде было так ужасно?

Фру Руммель. Да, уж поверьте, фру Люнге. Благодарите судьбу, что вас здесь тогда не было.

Фру Холт. Да, у нас здесь произошли большие перемены. Вспомнить только дни моего девичества...

Фру Руммель. Да, вы подумайте о том, что было всего четырнадцать-пятнадцать лет назад. Господи помилуй, как тут жили! Тогда еще процветали и танцевальный кружок, и музыкальный...

Марта. И драматический. Это я хорошо помню.

Фру Руммель. Да, это там ставили вашу пьесу, господин Тённесен!

Хильмар (*удаляясь в глубину сцены*). Ах, есть о чем вспоминать.

Рёрлун. Пьесу студента Тённесена?

Фру Руммель. Это было задолго до вас, господин адъюнкт; ее, впрочем, всего раз и поставили.

Фру Люнге (*фру Руммель*). Не в этой ли пьесе вы играли любовницу, фру Руммель? Помните, вы мне рассказывали?

Фру Руммель (*косясь на адъюнкта*). Я?.. Что-то не припомню, фру Люнге. Но я хорошо помню, как открыто и шумно здесь жили тогда.

Фру Холт. Я даже знаю дома, где давали по два званых обеда в неделю.

Фру Люнге. И тут еще играла заезжая труппа, я слышала.

Фру Руммель. Ах, это было хуже всего.

Фру Холт (*поеживаясь*). Гм... Гм...

Фру Руммель. Труппа? Нет, впрочем, этого я совсем не помню.

Фру Люнге. Да как же! Говорят, будто эти господа бог знает что тут выделявали!.. А что такое, в сущности, было?

Фру Руммель. В сущности, ровно ничего, фру Люнге.

Фру Холт. Диночка, передай мне вон то белье.

Бетти (*в то же время*). Диночка, поди скажи Катрине, чтобы подавали кофе.

Марта. Я с тобой, Дина.

Дина и Марта уходят во вторые двери налево.

Бетти (*вставая*). И меня, mesdames, на минутку извините. Я думаю, лучше пить кофе на террасе. (*Уходит на террасу и начинает накрывать на стол.*)

Адъюнкт Рёрлун, стоя в дверях, разговаривает с нею. Хильмар Тённесен сидит на террасе и курит.

Фру Руммель (*шепотом*). Господи, фру Люнге, как вы меня перепугали!..

Фру Люнге. Я?

Фру Холт. Да ведь вы сами начали, фру Руммель!

Фру Руммель. Я? Что вы, фру Холт? Я и не заикалась.

Фру Люнге. Да в чем же дело?

Фру Руммель. Как вы могли завести этот разговор? Помилуйте! Разве вы не заметили, что Дина была здесь?

Фру Люнге. Дина? Господи, да разве что-нибудь с...

Фру Холт. И еще *здесь* в доме! Да разве вы не знаете, что брат фру Берник...

Фру Люнге. Что же он? Я еще ровно ничего не знаю; я здесь ведь совсем недавно.

Фру Руммель. Да разве вы не слышали?... Гм... (*Дочери.*) Ты бы прошлась по саду, Хильда.

Фру Холт. Пойди и ты, Нетта. И пожалуйста, будь поласковей с бедной Диной, когда она придет.

Хильда и Нетта уходят в сад.

Фру Люнге. Ну, что же такое было с братом фру Берник?

Фру Руммель. Вы не знаете? Грязная история!

Фру Люнге. Так у студента Тённесена была грязная история?

Фру Руммель. Да нет же, фру Люнге. Этот Тённесен ее двоюродный брат, а я говорю о родном...

Фру Холт. О беспутном Тённесене...

Фру Руммель. Его звали Йухан. Он бежал в Америку.

Фру Холт. Пришлось бежать, можете себе представить!

Фру Люнге. Значит, с *ним* была грязная история?

Фру Руммель. Да, нечто такое... Как бы это сказать? Нечто такое с матерью Дины... О, я помню все так, точно это сегодня случилось. Йухан Тённесен служил тогда в конторе старухи Берник, а Карстен Берник только что вернулся из Парижа и еще не был объявлен женихом Бетти...

Фру Люнге. Ну, а грязная история?

Фру Руммель. Да видите ли, в ту зиму играла здесь труппа Мёллера...

Фру Холт. И в этой труппе был актер Дорф с женой. Вся молодежь была от нее без ума.

Фру Руммель. Бог знает, что за красоту они в ней находили!.. И вот раз актер Дорф возвращается домой поздно вечером...

Фру Холт. Совершенно неожиданно...

Фру Руммель. И застает... Нет, этого и рассказать нельзя.

Фру Холт. Нет, фру Руммель, ничего он не застает, – дверь-то была заперта изнутри!

Фру Руммель. Так я об этом же и говорю, – застает дверь на запоре. И, вообразите, тому... в комнате, пришлось выскочить в окошко!

Фру Холт. Из мезонина!

Фру Люнге. И это был брат фру Берник?

Фру Руммель. Ну да!

Фру Люнге. И потом он бежал в Америку?

Фру Холт. Пришлось бежать, вы понимаете!

Фру Руммель. Потому что после открылось еще кое-что, чуть ли не похуже. Подумайте, он запустил лапу в кассу...

Фру Холт. Ну, это еще не наверное, фру Руммель, может быть, это были просто сплетни.

Фру Руммель. Нет, скажите, пожалуйста! Когда весь город знал об этом! Старуха Берник ведь чуть не обанкротилась из-за этого. Это мне мой муж тогда же рассказывал. Но боже меня сохрани болтать!

Фру Холт. Во всяком случае, эти деньги пошли не на мадам Дорф, потому что она...

Фру Люнге. Да, да... Как же они потом между собой поладили... родители Дины?

Фру Руммель. Да он-то уехал, бросил и жену и ребенка, а у этой особы хватило наглости оставаться здесь еще целый год. Конечно, она не смела больше показываться на сцене. Жила стиркой и шитьем на людей.

Фру Холт. Потом пыталась завести школу танцев.

Фру Руммель. Разумеется, дело не пошло. Какие же родители доверили бы своих детей такой особе! Да она недолго и прожила. Этой белоручке, видно, не в привычку было работать. Началась чахотка, и она умерла.

Фру Люнге. Фу, действительно грязная история!

Фру Руммель. Да, представьте, каково это было пережить Берникам? Это темное пятно на солнце их счастья, как однажды выразился мой муж. Поэтому, дорогая фру Люнге, никогда и не касайтесь этих вещей здесь в доме.

Фру Холт. И, ради бога, ни слова также о сводной сестре!

Фру Люнге. Так у фру Берник есть еще сводная сестра?

Фру Руммель. Была... к счастью. Теперь, я полагаю, конец этому родству. Вот была своеобразная особа! Вообразите, остригла себе волосы, а в дождливую погоду ходила в мужских сапогах.

Фру Холт. И когда сводный братец... этот беспутный субъект... бежал и весь город, разумеется, был возмущен, – знаете, что она выкинула?.. Отправилась за ним!

Фру Руммель. А какой скандал она наделала перед отъездом, фру Холт!

Фру Холт. Тсс!.. Не говорите!

Фру Люнге. Господи, и она тоже наскандалила?

Фру Руммель. Да вот послушайте, фру Люнге. Берник тогда только что посватался к Бетти Тённесен и явился с ней под руку к ее тетке объявить о помолвке...

Фру Холт. Бетти с братом остались ведь сиротами, знаете...

Фру Руммель. И вдруг Лона Хессель встает со стула и – трах изящного, образованного Карстена Берника по щеке! У того только в ушах зазвенело!

Фру Люнге. Слыханное ли дело!

Фру Холт. Это истинная правда.

Фру Руммель. А потом уложила свой чемодан и уехала в Америку.

Фру Люнге. Верно, она сама метила выйти за Берника?

Фру Руммель. Еще бы! Она, видно, воображала, что из них-то и выйдет парочка, когда он вернется из Парижа.

Фру Холт. Да, представьте, что забрала себе в голову! Берник, молодой светский человек, кавалер в полном смысле слова, любимец дам...

Фру Руммель. И вместе с тем такой приличный, такой нравственный, фру Холт!

Фру Люнге. Что же эта фрекен Хессель стала делать в Америке?

Фру Руммель. Тут, видите ли, занавес опускается, и вряд ли следует его поднимать, как выразился однажды мой муж.

Фру Люнге. Что это значит?

Фру Руммель. Семейство, конечно, не поддерживает никаких сношений с ней, вы понимаете, но весь город знает, что она там пела для заработка по трактирам...

Фру Холт. И читала какие-то публичные лекции...

Фру Руммель. Издала какую-то сумасбродную книжку.

Фру Люнге. Скажите!

Фру Руммель. Да, как видно, Лона Хессель тоже одно из солнечных пятен на семейном счастье Берников. Теперь вы осведомлены, фру Люнге, и, ей-богу, я заговорила об этом только для того, чтобы вы были осторожнее.

Фру Люнге. Да уж будьте спокойны. Но бедная Дина Дорфф! Мне от души ее жаль.

Фру Руммель. Ну, для нее-то это было просто счастьем. Подумайте, если б она выросла у таких родителей! Мы, конечно, все приняли в ней участие и руководили ею, как могли. Потом Марта Берник настояла, чтобы ее взяли сюда в дом.

Фру Холт. Но она была всегда трудным ребенком. Вы понимаете – все эти дурные примеры... Такие, как она, не то, что наши дети; с нею приходится действовать осторожно, больше все лаской, фру Люнге.

Фру Руммель. Тсс... вот она! (*Громко.*) Да, правда, Дина такая славная девушка... Ах, ты пришла, Дина? А мы тут разбираем белье.

Фру Холт. Как вкусно пахнет твой кофе, Диночка! Чашечка такого утреннего кофе...

Бетти (*с террасы*). Пожалуйте сюда.

Марта и Дина помогают служанке подать все нужное к столу. Все дамы размещаются на террасе и преувеличенно ласково обращаются с Диной. Спустя немного она переходит в залу и ищет свою работу.

Бетти (*за столом на террасе*). Дина, а ты разве не хочешь?

Дина. Нет, благодарю, мне не хочется. (*Присаживается с работой.*)

Рёрлун, обменявшись несколькими словами с фру Берник, входит в залу.

Рёрлун (*делая вид, что ему нужно взять что-то со стола, тихо*). Дина!

Дина. Что?

Рёрлун. Почему вы не хотите оставаться там?

Дина. Когда я вошла с кофе, я догадалась по лицу приезжей дамы, что разговор шел обо мне.

Рёрлун. А вы заметили тоже, как она была с вами любезна?

Дина. Я этого не выношу.

Рёрлун. Строптивый у вас нрав, Дина.

Дина. Да.

Рёрлун. Но зачем же?

Дина. Такая уж я есть.

Рёрлун. Отчего бы вам не попытаться измениться?

Дина. Нет.

Рёрлун. Почему?

Дина (*взглянув на него*). Я ведь принадлежу к морально испорченным.

Рёрлун. Нехорошо, Дина.

Дина. Мама тоже была морально испорченная.

Рёрлун. Кто вам наговорил таких вещей?

Дина. Никто. Мне никогда ничего не говорят. Почему не говорят? Все обходятся со мной так бережно, точно я сразу разобьюсь, если... О, как я ненавижу это добросердечие...

Рёрлун. Милая Дина, я хорошо понимаю, что вам здесь тягостно, но...

Дина. Ах, только бы мне вырваться отсюда! Я бы сумела пробить себе дорогу, не будь вокруг меня таких... таких...

Рёрлун. Каких таких?..

Дина. Таких приличных и высоконравственных людей.

Рёрлун. Вы это не серьезно, Дина.

Дина. Вы отлично понимаете, насколько это серьезно с моей стороны. Хильду и Нетту каждый день приводят сюда служить мне примером. Но мне никогда не стать такой благонравной. Да я и не хочу быть такой. О, только бы мне вырваться отсюда, – я уверена, я стала бы молодцом.

Рёрлун. Вы и так молодец, дорогая Дина.

Дина. А что мне в этом проку здесь?

Рёрлун. Значит, уехать... Вы серьезно думаете об этом?

Дина. Я бы не осталась тут дня лишнего, не будь вас.

Рёрлун. Скажите мне, Дина, почему, собственно, вы так охотно бываете со мной?

Дина. Потому что вы учите меня многим прекрасным вещам.

Рёрлун. Прекрасным вещам? Вы называете прекрасным то, чему я могу научить вас?

Дина. Да. Или, вернее, вы не учите меня, но когда я слушаю вас, мне открывается так много прекрасного.

Рёрлун. В чем же, по-вашему, заключается прекрасное?

Дина. Вот никогда об этом не думала.

Рёрлун. Так подумайте теперь. В чем, по-вашему, прекрасное?

Дина. Прекрасное – это великое... и очень далекое...

Рёрлун. Гм... Дорогая Дина, я так искренне озабочен вашей судьбой.

Дина. Только это?

Рёрлун. Вы же, конечно, знаете, как бесконечно вы мне дороги...

Дина. Будь на моем месте Хильда или Нетта, вы не боялись бы дать это заметить другим.

Рёрлун. Ах, Дина, вам трудно судить о тысячах обстоятельств, которые... Когда человек поставлен на страже нравственных устоев общества, в котором он живет, то... нужна особая осторожность. Если бы я только мог быть уверенным, что мои побуждения будут правильно истолкованы... Ну да это безразлично... Вам нужна помощь, и вам во что бы то ни стало надо

помочь, Дина. Согласны ли вы... когда я приду... когда обстоятельства позволят мне прийти и сказать вам: вот моя рука, – вы примете ее и будете моей женой? Даете ли вы мне слово, Дина?

Дина. Да.

Рёрлун. Благодарю, благодарю! Ведь и для меня... О Дина, вы мне так дороги!.. Тсс!.. Идет кто-то. Дина, ради меня, идите к ним.

Дина уходит на террасу к кофейному столу. Из кабинета налево выходят Руммель, Санстад, Вигеланн и наконец Берник с кипой бумаг в руках.

Берник. Ну, значит, дело решено.

Вигеланн. Да, с богом, стало быть.

Руммель. Решено, Берник. Ты знаешь, слово норвежца крепко, как скалы Довре!

Берник. И никто не изменит, никто не отстанет, несмотря ни на какую оппозицию.

Руммель. Мы с тобой заодно. В огонь и в воду!

Хильмар (*входит с террасы*). В воду? Позвольте спросить, это у вас железная дорога канула в воду?

Берник. Нет, напротив, она пойдет...

Руммель. На всех парах, господин Тённесен.

Хильмар (*приближаясь*). Да?

Рёрлун. Как так?

Бетти (*в дверях террасы*). Дорогой Карстен! В чем, собственно говоря, дело?

Берник. Ах, милочка Бетти, тебе это не интересно. (*К трем вошедшим с ним коммерсантам.*) Теперь нам нужно разослать подписные листы; чем скорее, тем лучше. Само собой разумеется, мы четверо подпишемся первыми. Наше положение в обществе обязывает нас не щадить сил.

Санстад. Разумеется, господин консул.

Руммель. Слово дано, и дело должно наладиться.

Берник. О, я несколько не боюсь за результаты. Только бы каждый из нас проводил это дело в своем кругу. Когда же делу будет обеспечено сочувствие всех слоев общества, само собой, должна будет принять участие и городская коммуна.

Бетти. Нет, право, Карстен, дай и нам послушать. Приди сюда и расскажи...

Берник. О, милая Бетти, это решительно не по дамской части.

Хильмар. Значит, ты все-таки решил взяться за железную дорогу?

Берник. Разумеется.

Рёрлун. Но в прошлом году, господин консул...

Берник. То было дело другое. Тогда речь шла о приморской линии...

Вигеланн. А она совершенно излишня, господин адъютант. Ведь у нас есть пароходы...

Санстад. И кроме того, она обошлась бы непомерно дорого...

Руммель. И шла бы прямо вразрез с насущными интересами города.

Берник. А самое главное, не принесла бы пользы широким слоям населения. Поэтому я тогда и воспротивился, и был принят проект внутренней линии.

Хильмар. Да, но эта дорога не коснется соседних городов.

Берник. Она коснется нашего города, милый Хильмар, потому что мы проведем к себе ветку.

Хильмар. Ага! Значит, новая затея.

Руммель. И превосходная затея, а?

Рёрлун. Гм!..

Вигеланн. Нельзя отрицать, что само провидение как будто предназначило эту местность для такой ветки.

Рёрлун. Вы это серьезно говорите, господин Вигеланн?

Берник. Да, признаюсь, я тоже вижу как бы перст судьбы, что я во время своей весенней поездки по делам случайно попал в долину, где мне раньше не приходилось бывать. И тут, как молния, блеснула у меня мысль: вот где удобно провести к нам ветку. Я отправил инженера на разведки. И вот здесь у меня уже все предварительные планы и сметы; все в порядке.

Бетти (*все стоя с другими дамами в дверях террасы*). Но как же это, милый Карстен, ты все скрывал от нас?

Берник. Дорогая Бетти, ведь вам бы все-таки не понять настоящей сути дела. Да, впрочем, до сегодняшнего дня я никому не заикался об этом. Но теперь решительная минута наступила; теперь пора действовать открыто и энергично. Пусть бы мне даже пришлось рискнуть всем своим состоянием, я все-таки дойду до конца.

Руммель. И мы с тобой, Берник, можешь положиться на нас.

Рёрлун. Вы в самом деле так много ожидаете от этого предприятия, господа?

Берник. Еще бы! Каким это послужит могучим рычагом для подъема всего нашего общества! Подумайте только, какие лесные угодья станут доступными, какие богатые рудники откроются для разработки. А горные речки с бесчисленными водопадами? Какое широкое поле для фабричной деятельности!

Рёрлун. И вы не опасаетесь, что оживленные сношения с испорченным внешним миром...

Берник. Будьте спокойны, господин адъюнк. Наше трудолюбивое местечко утвердилось теперь, слава богу, на прочных нравственных устоях. Мы все прилагали усилия к оздоровлению почвы, если можно так выразиться, и так будем продолжать, каждый по своей части. Вы, господин адъюнк, продолжайте вашу плодотворную деятельность в школе и в семье; мы, люди практической жизни, будем укреплять общество, поднимая по мере возможности благосостояние широких слоев населения, а наши женщины, – пожалуйста поближе, сударыни, вам следует это послушать, – наши женщины, скажу я, наши жены и дочери пусть продолжают неустанно служить делу благотворительности и быть вообще поддержкой и утешением для своих близких, как моя дорогая Бетти и Марта для меня с Улафом. (*Озираясь.*) А где же Улаф?

Бетти. Ах, теперь ведь каникулы, его и не удержишь дома.

Берник. Ну, значит, опять удрал на пристань! Увидишь, он не уймется, пока не стрясется беды.

Хильмар. Ба!.. Немножко поиграть со стихиями...

Фру Руммель. Как это мило с вашей стороны, господин Берник, что вы так привязаны к семье!..

Берник. Да, семья ведь ядро общества. Хорошая семья, честные, верные друзья, маленький, тесный кружок, куда не могут вторгнуться никакие вредные элементы...

Управляющий Крап входит справа с письмами и газетами.

Крап. Иностранная почта, господин консул, и телеграмма из Нью-Йорка.

Берник (*взяв телеграмму*). А! От судовладельцев «Индианки».

Руммель. Так почта пришла? Ну, я должен откланяться.

Вигеланн. И я тоже.

Санстад. До свидания, господин консул.

Берник. До свидания, до свидания, господа. Не забудьте, сегодня в пять часов заседание.

Руммель, Вигеланн, Санстад. Да, да, хорошо, будем. (*Уходят направо.*)

Берник (*прочитав телеграмму*). Нет, это чисто по-американски. Просто возмутительно.

Бетти. Господи, Карстен, что такое?

Берник. Вот, господин Крап, прочтите.

Крап (*читает*). «Возможно меньший ремонт; спустить «Индианку», как только будет на плаву; время благоприятное; в крайнем случае пойдет на грузу...» Да, нечего сказать!..

Берник. Пойдет на грузу! Эти господа отлично знают, что с таким грузом судно пойдет ко дну, как камень, случись что-нибудь.

Рёрлун. Вот они – эти хваленые условия жизни в «большом мире».

Берник. Вы правы; ни малейшего уважения к человеческой жизни, раз в деле замешаны барыши. (*Крату.*) Можно спустить «Индианку» дня через четыре?

Крап. Да, если господин Вигеланн согласится, чтобы мы пока приостановили работы на «Пальме».

Берник. Гм, не согласится. Ну, займитесь, пожалуйста, корреспонденцией... Пойдите, вы не видели Улафа на пристани?

Крап. Нет, господин консул. (*Уходит в кабинет.*)

Берник (*опять взглянув на телеграмму*). Рисковать жизнью восемнадцати человек – для этих господ нипочем.

Хильмар. Что же, призвание моряка – бороться со стихиями. Вот должно щекотать нервы, когда между тобою и пучиной лишь тонкая доска...

Берник. Найдется ли у нас хоть один судовладелец, который пошел бы на такое дело? Ни одного, ни одного!.. (*Увидав Улафа.*) Ну, слава богу, цел!..

С улицы вбегают в сад Улаф с удочкой в руке.

Улаф (*еще из сада*). Дядя Хильмар, я был внизу и видел пароход.

Берник. Ты опять был на пристани?

Улаф. Нет, только катался на лодке. Вообрази, дядя, высадили целый цирк с лошадьми и зверями. И там было столько пассажиров!

Фру Руммель. Наконец-то мы дождались цирка!

Рёрлун. Мы?.. Я, однако...

Фру Руммель. Ну, конечно, не мы, а...

Дина. Мне бы очень хотелось посмотреть цирк.

Улаф. И мне тоже.

Хильмар. Глупая ты голова! Что там смотреть? Одна дрессировка. Другое дело, когда гаучо мчится через пампасы на своем огневом мустанге! Ну, да в таких городишках...

Улаф (*теребя Марту за руку*). Тетя Марта, смотри, смотри, вон они!

Фру Холт. Ей-богу, они!

Фру Люнге. У, какие противные! Множество пассажиров и толпа горожан проходят по улице.

Фру Руммель. Кажется, изрядные паяцы. Посмотрите, фру Холт, на эту, в сером платье: тащит на спине саквояж!

Фру Холт. Скажите! Надела его на ручку зонтика! Верно, мадам директорша.

Фру Руммель. А вон, верно, и сам директор... тот, с бородой. Настоящий разбойник с виду. Не гляди на него, Хильда!

Фру Холт. И ты тоже, Нетта!

Улаф. Мама, директор кланяется нам!

Берник. Что?

Бетти. Что ты говоришь, Улаф?

Фру Руммель. Ей-богу, и эта женщина кланяется!

Берник. Это уж из рук вон!

Марта (*невольно вскрикивая*). А!..

Бетти. Что с тобой, Марта?

Марта. Ничего, мне показалось только...

Улаф (*вне себя от радости*). Смотрите, смотрите! Вот и остальные с лошадьми и зверями, а вон и американцы! Все матросы с «Индианки».

Слышится «Jankee Doodle» с аккомпанементом кларнета и барабана.

Хильмар (*затыкая уши*). Ух, ух, ух!

Рёрлун. Я полагаю, не ретироваться ли нам немного, сударыни? Это не по нашей части. Займемся опять нашей работой.

Бетти. Не задернуть ли занавеси?

Рёрлун. Да, да; я и сам думал.

Дамы садятся к столу. Рёрлун затворяет двери на террасу и задергивает занавеси как на стеклянных дверях, так и на окнах; комната погружается в полумрак.

Улаф (*заглядывая за занавеску*). Мама, директорская мадам моет себе лицо у фонтана.

Бетти. Как? Прямо на площади?

Фру Руммель. Среди бела дня!

Хильмар. Ну, странствуй я в пустыне и попадись мне водоем, я бы тоже не задумался... Ух, этот ужасный кларнет!

Рёрлун. Полиция имела бы полное основание вмешаться.

Берник. Ну, к иностранцам нельзя быть слишком строгими; у этого народа нет врожденного чувства приличия, которое держит нас в должных границах. Пусть их безобразничают. Нам-то что? Все эти вольности, противные обычаям и добрым нравам, к счастью, чужды нашему обществу, если можно так выразиться... Это еще что?!

Посторонняя дама быстро входит в дверь справа.

Все дамы (*тревожным шепотом*). Наездница, директорская мадам!

Бетти. Боже, что это значит?

Марта (*вскочив*). Ах!

Дама. Здравствуй, милая Бетти! Здравствуй, Марта! Здравствуй, зять!

Бетти (*вскрикнув*). Лона!

Берник (*отшатываясь*). Честное слово!..

Фру Холт. Боже милосердный!

Фру Руммель. Возможно ли?

Хильмар. Ну!.. Ух!..

Бетти. Лона... Да неужели?

Лона. Я ли это? Да, клянусь, это так. Можете не стесняться обнять меня.

Хильмар. Ух! Ух!

Бетти. И ты теперь приехала сюда в качестве...

Берник. И намерена выступать публично?..

Лона. Выступать? Как выступать?

Берник. Да я думал... в цирке...

Лона. Ха-ха-ха! Да ты в уме, зять? Ты думаешь, я из труппы наездников? Нет, я хотя и отведала всякой всячины и дурачилась на разные лады...

Фру Руммель. Гм!

Лона....но наездницей еще не бывала.

Берник. Значит, все-таки не...

Бетти. Ох, слава богу!

Лона. Нет, мы приехали сами по себе, как и другие добрые люди; положим, во втором классе, но к этому нам не привыкать стать.

Бетти. Ты говоришь: мы?

Берник (*сделав шаг к ней*). Кто это мы?

Лона. Разумеется, я с мальчуганом.

Все дамы. С мальчуганом?!

Хильмар. Как?!

Рёрлун. Ну, скажу я!..

Бетти. Что ты говоришь, Лона?

Лона. Разумеется, я говорю про Джона; у меня ведь нет другого мальчугана, кроме Джона, или Йухана, как вы его тут называли.

Бетти. Йухан!..

Фру Руммель (*тихо фру Лунге*). Беспутный брат!

Берник (*медленно*). Йухан с тобой?

Лона. Да, конечно; разве я уеду без него? Но у всех у вас такие печальные лица, сидите в потемках, шьете что-то белое... Уж не умер ли кто из родных?

Рёрлун. Сударыня, вы находитесь в кружке для спасения морально испорченных...

Лона (*вполголоса*). Что вы? Эти милые, скромные дамы?..

Фру Руммель. Ну, это, скажу я вам!..

Лона. А, понимаю, понимаю!.. Черт возьми, да ведь это фру Руммель! А вот и фру Холт! Да, мы с вами с тех пор не помолодели... Но послушайте, друзья мои, пусть морально испорченные подождут теперь немножко; они не станут от этого хуже. В такой радостный час...

Рёрлун. Час возвращения не всегда час радости.

Лона. Во-от? Вы так толкуете библию, господин пастор?

Рёрлун. Я не пастор.

Лона. Ну, так, верно, будете им. Но – фу-фу-фу! – какой затхлый запах от этого «морального» белья! Точно от савана. Я, видите ли, привыкла к свежему воздуху прерий.

Берник (*отирая лоб*). Да, в самом деле, здесь что-то душно.

Лона. Погоди, погоди, сейчас выберемся из склепа. (*Отдергивая занавеси.*) Пусть мой мальчуган покажется при полном освещении. Вот покажу я вам молодца первый сорт!

Хильмар. Ух!

Лона (*открывает двери и окна*). Дайте ему только сперва почиститься в отеле. На пароходе вымазался, как свинья.

Хильмар. Ух! Ух!

Лона. «Ух»? Да ведь это... (*Обращаясь к остальным и показывая на Хильмара.*) Он все еще тут шляется да ухаает?

Хильмар. Я не шляюсь, я лечусь...

Рёрлун. Гм, сударыня, я не думаю...

Лона (*увидев Улафа*). Это твой, Бетти? Давай лапу, мальчуган! Или боишься своей старой, безобразной тетки?

Рёрлун (*беря книгу под мышку*). Я не думаю, сударыни, чтобы мы были сегодня в настроении продолжать нашу работу. Но ведь завтра мы опять соберемся?

Лона (*в то время как посторонние дамы встают и прощаются*). Хорошо, соберемся. Буду непременно.

Рёрлун. Вы?.. Позвольте спросить, сударыня, что вы собираетесь делать в нашем кружке?

Лона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.